

Красавец фрегат был ещё не стар, но и не молод. На воду его спустили всего каких-нибудь двадцать лет назад, в 1832 году с Охтинской верфи Санкт-Петербурга. Пятьдесят два орудия по бортам давали серьёзные аргументы в его пользу, а три мачты с классической оснасткой убеждали в резвости хода при неслабом ветре под всеми парусами. Фрегат назывался «Паллада». Красивое, звучное имя. Афина Паллада в греческой мифологии — богиня победы, мудрости, знаний, искусств и ремёсел. Первым командиром судна был легендарный Павел Степанович Нахимов. Тогда капитан-лейтенант, впоследствии адмирал, разбивший турецкий флот при Синопе, и герой Севастопольской обороны.

В октябре 1852 года «Паллада» стояла у причала в Кронштадте с четырьмястами человек экипажа в ожидании отплытия. Команда «отдать концы» откладывалась со дня на день. Наконец, всё уладилось, и 7 октября отчалили. Путь лежал в Японию с дипломатической миссией, возглавляемой адмиралом Евфимием Васильевичем Путятиным при командире корабля капитан-лейтенанте И.С. Унковском. К экспедиции были прикомандированы капитан-лейтенант Константин Николаевич Посьет и Иван Александрович Гончаров, уже тогда известный своей «Обыкновенной историей» писатель. По возвращении в Россию он напишет по совету друзей чудное повествование — «Фрегат “Паллада”». И в наши времена тем, кто не портил своего вкуса акунино-пелевинским чтивом, кого Господь отвёл от такой «язвы», чтение этих очерков может доставить весьма большое удовольствие.

По официальной версии экспедиция должна посетить русские земли в Америке и прилегающие острова, но скрытой задачей было всё же установление дипломатических связей с Японией. Кроме «Паллады» в экспедиции участвовали шхуна «Восток» под командованием В.А. Римского-Корсакова и корвет «Оливуца» под командованием Н.Н. Назимова. Позднее, по ходу плавания, присоединился транспорт «Князь Меншиков». Шли более длинным путём вокруг Африки, хотя по планам должны были пройти огибая Южную Америку у мыса Горн. Но задержка в пути из-за вынужденного ремонта фрегата не позволила воспользоваться этим маршрутом. В то время года в южных морях ярились сильные шторма.

Цель моего повествования — не пересказ путевых очерков И.А. Гончарова, но упоминание некоторых эпизодов, связывающих Иркутск, иркутское генерал-губернаторство с освоением земель, которые называются Русским Дальним Востоком.

«Паллада» пришла в Японию в августе 1853 года, т.е. спустя 9 месяцев после отплытия из Кронштадта. До января 1854 года велись переговоры, но в связи с началом Крымской войны, не достигнув заключения договора, экспедиция покинула Японию. К июню того же 1854 года фрегат подошёл к берегам территории, названной позднее южным Приморьем. Несколько попыток войти в какую-то незнакомую и не нанесённую на карты бухту вначале были unsuccessful. Мешал туман, сменяемый порывистым ветром. Наконец... (цитирую по И.А. Гончарову):

«На другой день к вечеру я вышел наверх; смотрю: все толпятся на юте. «Что такое?» — спрашиваю. «Входим», — говорят. В самом деле, мы входили в широкие ворота гладкого бассейна, обставленного крутыми, точно обрубленными берегами, поросшими непроницаемым для взгляда мелким лесом — сосен, берёз, пихты, лиственницы. Нас охватил крепкий смоляной запах. Мы прошли большой залив и увидели две другие бухты, направо и налево длинными языками вдающиеся в берега. Вода не шелухнётся, воздух покоен, а в море, за мысами, свирепствует ветер... Мы стали на якорь».

По прошествии некоторого времени бухта стоянки внешнего рейда фрегата будет названа Рейд Паллада, налево — бухта Экспедиции, направо — бухта Новгородская. На разделяющем их мысе будет отстроен порт Посьет, названный по имени Константина Николаевича Посьета, представителя обрусевшего древнейшего французского рода, выпускника Морского кадетского корпуса. Состоял в экспедиции «по научной части», под его руководством впервые описаны восточные берега северной Кореи и южного Приморья. Отмерены глубины. Понадобится ещё без малого шесть лет, чтобы в апреле 1860 года из Николаевска, что на Амуре, вышел транспорт «Японец» с командой матросов и снаряжением, предназначенным для основания поста. В залив судно прибудет 11 апреля. На берег бухты Новгородской сойдут лейтенант Назимов, мичман Бенкович, фельдшер и 21 моряк из нижних чинов. Отсюда до легендарного озера Хасан рукой подать.

Торжественное поднятие Андреевского флага ознаменует основание военного поста Новгородского, впоследствии порта Посьет. Но до этого события многому необходимо было произойти для того, чтобы восточные земли и земли южного Приморья стали называться российскими.

* * *

Николай Николаевич Муравьёв, сын статс-секретаря Николая Назаровича Муравьёва, родился в 1809 году в Санкт-Петербургской губернии. Окончил Пажеский корпус с отличием. Ошибки не будет, если его отнести к элитной молодёжи того времени. Воспитание и ближайшее окружение поддерживали в нём высокое самолюбие и честолюбие, качества далеко не последние в формировании устремлений, а главное, в выборе средств для достижения целей. Карьера была на первом месте в целях и задачах его жизни. Уже в 17 лет он считал, что «в мирное время не стоит служить, потому формуляр слишком медленно пополняется». Вполне здоровое рассуждение юноши, у которого вся жизнь впереди. Поэтому, поступив на службу прапорщиком в лейб-гвардию (1827 г.), он через год был в действующей армии на Балканах. По окончании боевых действий за проявленное рвение

в службе получил два чина, орден и Высочайшую благодарность. Вернувшись в Россию, до 1830 года служил адъютантом у друга своего отца или даже дальнего родственника — командира пехотной дивизии генерала Головина. «Не оставлять своим покровительством Колю» старый генерал обещал приятелю, и слово своё сдержал. Однако служба мирного времени тяготила юного офицера, и Николай Николаевич подал прошение об отставке, при которой получил положенный следующий чин и пенсию по болезни.

Началась польская война 1830 года, называемая польским антирусским восстанием. Началась она с попытки польских офицеров убить великого князя Константина Павловича. Константин бежал из Варшавы. Польский сейм провозгласил независимость Польши, лишил польского трона Николая Первого. От России потребовали территории в границах 1772 года для восстановления Польши от моря до моря — земель Украины, Литвы, Белоруссии. Николай Николаевич снова поступил на службу к своему благодетелю генералу Головину адъютантом. В августе 1931 года после ожесточённых боёв русская армия под командованием Паскевича заняла Варшаву, и к февралю 1832 года восстание было жестоко подавлено. В дальнейшем в Европе в спорах вокруг событий в Польше стало преобладать мнение, расценивающее восстание как национально-освободительную войну против деспотического российского самодержавия. Во-первых, мнение это формировалось под воздействием польской пропаганды. Во-вторых, когда Европа поддерживала Россию в тяжёлые для России времена? Никогда! Поэтому Европа однозначно встала на сторону Польши, а политики, журналисты, поэты были едины в своём порыве сочувствия Польше и во враждебности к России. Однако А.С. Пушкин, и далеко не он один, был убеждён, что существование в то время Польши как независимого государства противоречит интересам России. Он также отрицательно относился к революциям и мятежам. «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» — стихотворения, доказывающие это утверждение. Как известно, и Николай Николаевич Муравьёв придерживался того же мнения. Он, будучи участником тех событий, был хорошо осведомлён, на что способна польская шляхта в борьбе «за нашу и вашу свободу» от русского «варварства».

*«О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнение Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор,
уж взвешенный судьбою.
Вопрос, которого не разрешите вы...»*

* * *

*«...Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственной набат,
Клеветники, враги России!..»*

Меня всегда раздражало мнение некоторых историков, сформированное на потребу дня, а ещё хуже, побуждаемое этническими мотивациями. Публикация в иркутской «Областной» газете в июле 2006 года избранных глав книги «Иркутск,

Иркутск. Рассказы из жизни старого города» заинтересовала меня тем, что в одной из них, касательно взглядов Николая Николаевича Муравьёва, автор выражает недоумение, называя это парадоксом и сетуя, что «Передовой деятель России граф Амурский первым из русских губернаторов поднял вопрос об освобождении крепостных крестьян. (...) Но этот же просвещённый человек словно не понимал, за что боролись польские повстанцы». Всё он понимал, — и в отношении польского восстания 1830 года, и 1863 года. Разница между этими событиями была невелика. Последнее усугублялось первым.

Если задаться целью найти в человеке греховную его составляющую, больших навыков не надо. Кто без греха?.. Но непозволительно приписывать то, что несвойственно натуре человека, или то, в чём он неповинен. Да, Н.Н. Муравьёв один из первых поднял вопрос об освобождении крепостных крестьян. Но он руководствовался не столь критериями справедливости и человеколюбия, сколь рациональности и пользы, продолжая быть сыном своего времени и касты. С подчинёнными он был строг, а порою и груб. Отношение к Польше имело и личный характер. Ранение пулей в левую ногу давало о себе знать всю последующую жизнь. Опыт действительно личный, постигнутый не из пересказа тех событий.

Польская кампания окончилась. Снова наступило мирное время.

«Служи, терпи, молчи и смотри с почтением на тех, которые награждены без заслуг и перескочили меня во всех отношениях, вот моё назначение. Словом сказать, во всей армии нет человека, менее меня награждённого», — пишет он своему брату. Но поторопился... Награды нашли своего героя. Целых три. Польский знак «За военные достоинства» 4-й степени, орден Св. Владимира 4-й степени с бантом и золотой шпагой с надписью: «За храбрость». Чуть позже произведён в штабс-капитаны. Св. Анна 3-й степени у него уже была.

Поэтому, удовлетворённый, Н.Н. Муравьёв в 1833 году снова вышел в отставку с пенсией, т.е. отошёл на исходные в имение своего отца. Ненадолго. Эх, молодость, молодость...

* * *

Прошло некоторое время, Евгения Александровича Головина назначают на Кавказ командиром отдельного корпуса. Не раздумывая, Николай Николаевич поступает к нему штаб-офицером для особых поручений. За шесть лет службы он дослужился до генеральского чина и получил несколько орденов. Было за что. За «отличие, мужество и благоразумную распорядительность, оказанные против горцев». Но в 1846 году снова вышел в отставку с пенсией, и снова — ненадолго. Отличия в кавказской войне были замечены Николаем I, и Николай Николаевич становится тульским военным губернатором. Тогда же он женится на мадмуазель де Ришмон, француженке.

Свойства натуры молодого губернатора были таковы, что, умея чутко улавливать умонастроения своего круга и соотносить некоторые из них с критериями пользы, он подаёт на Высочайшее имя несколько проектов по улучшению управления губернией. В том числе, проект освобождения крестьян от крепостной зависимости, в составлении которого он был одним из девяти подписантов. До конца щедринской «пошехонской старины» оставалось ещё 14 лет. Возможно, это проявление либеральных наклонностей, на которые Император ответит, что «вопрос об освобождении крестьян ещё не созрел», подтолкнёт его к решению

отправить Н.Н. Муравьёва в Сибирь. В сентябре 1847 года такое назначение на исполнение должности иркутского и енисейского генерал-губернатора было подписано. На смену В.Я. Руперту прибыл Николай Николаевич Муравьёв. Ещё находясь в С.-Петербурге, перед назначением на высокую должность, знакомясь с сибирскими делами, Николай Николаевич встретится с капитан-лейтенантом Геннадием Ивановичем Невельским, который поделится идеей экспедиции на Амур и планом присоединения восточных земель к России. Эта идея овладеет молодым деятельным генерал-губернатором.

Книга, изданная в Москве в 1891 году к 10-летию смерти Н.Н. Муравьёва-Амурского Иваном Барсуковым, начинается следующими словами: «Доблестный воин, прошедший строгую школу Николаевского времени, мудрый администратор и патриот, Муравьёв является лицом выдающимся как своими заслугами, так и свойствами своего чисто русского самобытного характера».

С 5 сентября 1847 по январь 1861 года необходимо было многому произойти с приложением огромных усилий, чтобы чрезвычайно важные государственные свершения удались в том виде, в котором они достались нам в наследство.

Перед отъездом в Сибирь Муравьёв заручился подробнейшими сведениями о многих грязных делах иркутского чиновничества и частных лиц. И в силу своего характера, и в силу наставления Императора Николая Павловича, мол, «в Сибири народ распущенный, так ты возьми их хорошенько в руки», крушил направо и налево, зачастую не разбирая, и правых и виноватых.

По прибытии в Иркутск Николай Николаевич со свойственной ему пылкостью и горячностью принялся за нововведения. Сменил большинство чиновников, уличённых в казнокрадстве и взяточничестве. Ставка была сделана на молодёжь. В планах у генерал-губернатора были три идеи: увеличить количество добываемого золота на Усть-Карийских промыслах, увеличить количество войск в пределах своего управления и после исследования левого берега Амура до устья овладеть им. Спустя год Н.Н. Муравьёв представит на Высочайшее рассмотрение записку «Различные предложения по Восточной Сибири в отношении военном, политическом и административном», в том числе и перечисленные выше. Высочайшее одобрение было вскоре получено.

Для реализации первого пункта плана сняли с мест всех каторжных и часть горнозаводских рабочих из Акатуя, Нерчинского завода, Култуминского, из Алгачей. Из-за спешки, бездорожья и возникающей в таких случаях неразберихи много народу перемерло от болезней или обморожений. Подробно, но с большой долей субъективности эти события описаны в книге Гамалея Степановича Гантимурова «По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы» (1912). Добыча золота была удвоена. Но какой ценой?! Какими лишениями?!

Второй пункт плана был принят к исполнению в июне 1851 года по прибытии фельдъегерей из С.-Петербурга с Высочайшим повелением о формировании из горно-заводских крестьян забайкальских казачьих частей. До этого крестьяне, приписанные к горным заводам, занимаясь хлебопашеством, с успехом снабжали хлебом не только всю свою область. Большой излишек вывозился в Монголию, Маньчжурию, Якутскую область. Когда часть пахарей была поверстана в казаки, хлеба стало не хватать даже для собственных нужд. Дело дошло до закупок в Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Так продолжалось до 80-х годов, когда с прибытием в Забайкалье достаточного числа

поселенцев производство зерна достигло требуемых объёмов. Но дело, начало которому положено Н.Н. Муравьёвым, было успешно завершено и сослужило службу в освоении земель Дальнего Востока. Казачество здесь сыграло перво-степенную роль.

* * *

Да, Николай Николаевич Муравьёв — личность, конечно, неординарная. После его отъезда из Сибири многие авторы излагали свои впечатления о нём, зачастую противореча друг другу. Прибывший в Иркутск молодым офицером для прохождения службы князь Пётр Алексеевич Кропоткин, будущий теоретик анархизма, писал в дневнике в 1863 году: «Судьба Н.Н. Муравьёва в Сибири замечательна. Взгляд на Муравьёва ещё не выяснился... Ещё труднее говорить о пользе и вреде, принесённых Муравьёвым: первая, выразившаяся в толчке к жизни, сообщённом Сибири, в некотором искоренении взяточничества и т.д. и в вреде, состоящем в направлении, в характере управления, в деспотизме, усвоившемся здесь, во влиянии личностей и т.п.»

В другом месте, в «Записках революционера», он его характеризует как умного, обаятельного, желающего работать на пользу края, но «в глубине души деспота».

Михаил Иванович Венюков, один из адъютантов Н.Н. Муравьёва, участник известных сплавов 1857 и 1858 годов по Амуру, русский учёный-исследователь, первым из россиян пришедший на Усури, даёт подобную характеристику Н.Н. Муравьёву, более восторженную.

Подробное описание его деятельности можно найти в «Записках об Амуре...» иркутского первой гильдии купца и пароходовладельца Прокопия Ивановича Похолкова, сопровождавшего Н.Н. Муравьёва в его поездках по Амуру:

«Без всякого сомнения, личность эта занимает одно из видных мест между деятелями России в эпоху половины девятнадцатого столетия. (...) Муравьёв перестроил и поставил на высшую степень благородства все присутственные места, искоренил до основания взяточничество, в этом случае он даже переощеголял многие Российские губернии. (...) Муравьёв, как вообще все люди, делал много ошибок, и важных ошибок... он явился в Сибирь раздражённым, между прочим, порядочно досталось и купечеству... впрочем, полиберальничать, покорчить из себя гуманного республиканца, — это был его конёк... Личное общение с людьми изображало собою две резкие противоположности: в минуты его раздражения он был в высшей степени резок, не стеснялся никакими выражениями. С другой стороны, когда он был в хорошем расположении духа, он умел до того быть любезным и в полном смысле обворожительным, что ему не стоило большого труда своим обращением настолько привязать к себе, что всякий готов был идти за ним в огонь и воду».

Верно писал Прокопий Похолков, что «некоторые меры, имеющие в своём основании дурные принципы, в результате достигают удовлетворительной цели». Это в какой-то мере касается деятельности Н.Н. Муравьёва в Сибири.

Чтобы закончить портрет генерал-губернатора, хотя перечень публикаций современников о нём весьма велик, обратимся снова к Г.С. Гантимурову. Более желчная и злобная характеристика в его повествовании об «амурских делах» мне не попадалась:

«Господствующими страстями амурского завоевателя были честолюбие низшей пробы и самолюбие, основанное на мыльном пузыре. Для удовлетворения

их он был неразборчив на средства. С подчинёнными был деспот и ни во что не ставил закон и справедливость. На крестьян, рабочих и солдат смотрел как «на скотов» и ни во что не ставил солдат в буквальном смысле этого слова». Далее следуют примеры и пересуды его действий.

* * *

В несколько лет закончив в основном задуманные преобразования, Николай Николаевич занялся Амуром. Было известно, что американцы проявляют интерес к северо-восточному побережью Азии, рассматривая Тихий Океан как Средиземное море. Впрочем, спустя 150 лет, они и на Чёрное море смотрят как на Средиземное. Последние события в Осетии и Грузии в августе прошлого года пример тому. С их точки зрения было бы недурно экономически притянуть всю Восточную Сибирь к Тихому океану. Янки торговали успешно по Миссисипи, азиатский Амур тоже похож на большую американскую реку.

Первый сплав вниз по Амуру был связан с началом Крымской войны. Выполнялся он под личным руководством генерал-губернатора. В составе — 48 лодок, 29 плотов и около 800 человек сопровождающих. Сплав доставил в устье Амура боеприпасы, продовольствие и 2-ю конную бригаду Забайкальского казачьего войска. Вот когда пригодились казаки... По пути следования располагали посты, в низовьях Амура заложили русские сёла — Сергеевское, Иркутское, Богородское, Ново-Михайловское. В то же время вдоль восточного побережья пока ещё ничьей земли в поисках удобных бухт для стоянок курсировала англо-французская эскадра из нескольких кораблей. Фрегат «Паллада», оставленный нами на стоянке у входа в бухту, впоследствии названную бухтой Экспедиции, снялся с якоря и перешёл севернее в устье Амура.

Здесь, в устье, 12 августа 1854 года и состоялась встреча Николая Николаевича Муравьёва с экипажем фрегата «Паллада». Пять лет прошло, когда «в первый раз военный транспорт «Байкал» (под командованием Г.И. Невельского) решил не решённую Лаперузом задачу. Он послал шлюпки, которые из Охотского моря прошли Амурский лиман, и таким образом оказалось, что Сахалин не соединён с материком, как прежде думали», — писал в своих записках И.А. Гончаров.

«Паллада» требовала капитального ремонта. Корпус разбит штормами и ураганом в Китайском море. Образовались течи. Начало Крымской войны изменило первоначальное назначение фрегата и цель его пребывания в восточных морях. В бухту Де Кастри уже пытались зайти несколько английских и французских военных судов. Произошли мелкие стычки, большого дела пока не оказалось. Из опасения перед внезапным нападением было решено ввести судно в Амурский лиман для заграждения входа в Амур, но большая осадка не позволила этого сделать, поэтому «Палладу» отвели южнее, в Императорскую гавань, дабы не дать возможность вражескому флоту занять удобное место отстоя судов. Те, кто бывал в Советской Гавани, бывшей Императорской, на берегу Татарского пролива, могли бы это оценить. Здесь же впоследствии фрегат затопят из-за ветхости корпуса, сняв вооружение и такелаж.

Второй сплав по Амуру состоялся в следующем, 1855 году. Подготовка началась ещё осенью. Из письма Н.Н. Муравьёва М.С. Корсакову в С.-Петербург 20 ноября 1854 года, где тот находился по делам службы:

«Мы здесь готовимся к будущему плаванью не на шутку: 100 тыс. пудов муки, 500 шт. рогатого и другого скота и прочие мелочи отправляются на 60

плашкоутах. Я пишу обо всём Его Величеству и прошу отправить Казакевича в Америку для заказа пароходов и винтовых корветов; а ты привезёшь мне сюда необходимые чертежи для здешних построек и, может быть, корабельного инженера. Без этого мы не можем приступить ни к машине, ни к пароходу».

Но главный груз при этом сплаве состоял из тяжёлых 150-пудовых крепостных орудий для Николаевского форта.

Когда отправлялись первая и вторая экспедиции к устью Амура, на расстоянии почти 3000 вёрст по Шилке и Амуру встречались только несколько кочующих таборов орочей. В районе реки Зея — редкое маньчжурское население. И от устья Усури до Николаевского поста изредка встречались гольды и гиляки. Земли правого и левого берега Амура были практически пустынные. Поэтому необходима была тщательная подготовка не только самого сплава вниз, но и возвращения сопровождавших грузы отрядов назад домой для подготовки следующей экспедиции. В 1856 году не рассчитали. Распоряжение о выходе с устья было сделано, но поздно. Людей захватила поздняя осень и начало зимы. Стало не хватать провианта. Возвращались пешком по льду Амура. В результате — большая смертность от голода, болезней и обморожения.

В 1858 году Н.Н. Муравьёв со свитой в начале апреля выехал из Иркутска в Сретенск и уже оттуда во время ледохода в сопровождении епископа Иннокентия Камчатского сплавился вниз по Шилке и Амуру на баржах в сопровождении двух вооружённых катеров. Величественная картина наблюдалась редкими жителями с берегов Шилки и Амура, когда громаднейший караван из трёхсот и более барж и десятков паромов и плотов двигался сначала по Шилке, а затем по Амуру, растянувшись на 30–40 километров. По 10–15 барж при назначенном начальнике рейса. На каждой из них 4,5 тысячи пудов, а это значит до 80 тонн груза первой необходимости для устройства переселенцев.

Первыми были казаки с семьями созданного несколько лет тому назад Н.Н. Муравьёвым Забайкальского казачьего войска. Цепь поселений выстраивалась по берегам Амура на свой страх и риск, поскольку договор с китайской стороной ещё не был подписан, а территория левого берега Амура по Нерчинскому договору 1689 года относилась к сопредельной стороне. Правда, в этом договоре было много огрехов и разночтений, которые можно трактовать в ту или иную пользу. Но договор есть договор. Первая партия казаков числом 450 семейств была ещё в 1857 году посажена на плоты и отправлена на Амур.

Места поселений назначались с соблюдением условий, наложенных генерал-губернатором. Ошибки часто возникали потому, что никаких исследований места в части пригодности для жизни и ведения сельского хозяйства не производилось. Вот пост Усть-Зейский и слобода Хабаровка разместились настолько удачно, что стоят по сию пору и называются Благовещенском и Хабаровском. Хотя как военные посты они начинали отстраиваться ещё в 1854 году. Условия размещения посёлков в первую очередь были таковы, чтобы место удовлетворяло двум принципам: они должны располагаться на берегу Амура или вблизи на расстоянии около тридцати вёрст для организации почтовой гоньбы и в то же время рядом с фарватером, позволяющим причалить пароходу или какому другому судну без опаски сесть на мель. Третье условие — возможность сеять хлеб и наличие покосов. Естественно, удовлетворить в полной мере упомянутым требованиям было зачастую невозможно, тем более, губернское начальство не склонно заручаться условиями местности, но следовало предписаниям губернатора. Не

зря Амур в переводе с китайского, маньчжурского и монгольского языков означает «Чёрная река». Разливы в паводок его таковы, что совершенно невозможно угадать, как такая прибыль воды отразится на переселенцах. Отсюда множество случаев переноса станиц на другие места, лишения и голод поселенцев, дополнительные расходы казны.

Позднее, в 1868 году в Иркутске ходил пересказ одного факта.

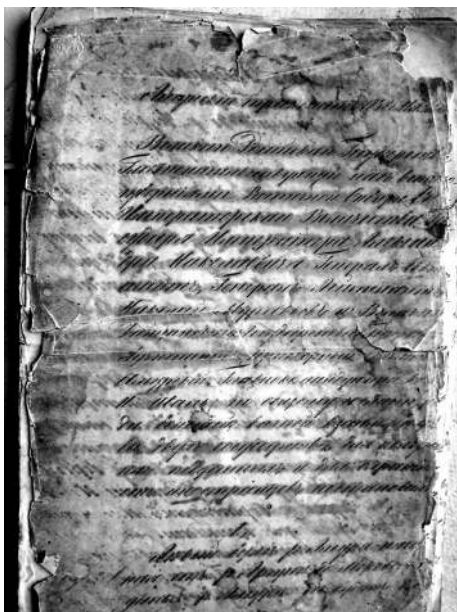
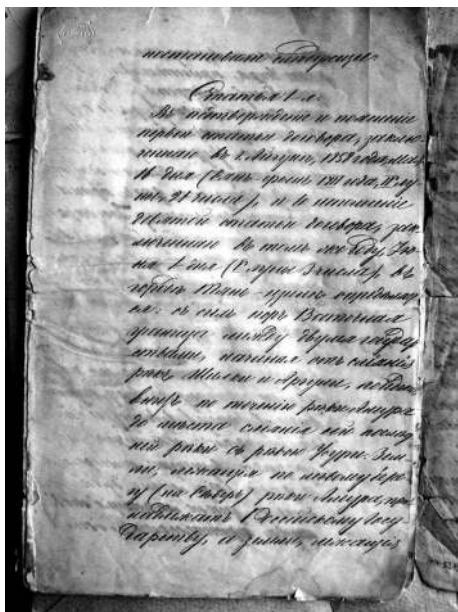
Военный губернатор организованной к тому времени Амурской области Подашенко однажды вздумал посетить староверческие селения, возникшие на призейских равнинах в отдалении от Амура на 50–100 километров, и к удивлению своему нашёл их цветущими уже на 3-й год основания.

— Славно же вы живёте, братцы, — говорил он крестьянам, — гораздо лучше, чем казаки. Даром у них Амур под боком. Отчего бы эта разница?

— А-а-а, батюшка, ваше превосходительство, оттого, что мы от начальства подальше.

В этом простодушном ответе кроме нечаянной иронии была вся правда того времени с привязкой к Забайкалью.

Добравшись до города Айгуна, генерал-губернатор встретился с представителями китайских властей. Здесь с 10 по 15 мая 1858 года был подписан договор о переходе к России левобережья Амура и русско-китайской торговле в Приамурье. В его свите при подписании договора были: архиепископ Иннокентий, управляющий губернской дипломатической канцелярией Е.К. Бюцов, управляющий путевой канцелярией В.Д. Карпов, из чинов министерства иностранных дел П.Н. Перовский, генерального штаба — полковник К.О. Будогоский, капитан М.П. Венюков, подполковник В.Е. Языков, переводчик Я.П. Шишмарев, священник о. Александр Сизых. Эти имена отлиты на бронзовой плите, прикреплённой к постаменту памятника Н.Н. Муравьёву в Хабаровске.

На снимке первые два листа Айгунского трактата, подписанного Н.Н. Муравьёвым и китайской стороной.

Представьте себе, насколько могли пригодиться для этого случая такие качества Николая Николаевича, как его природный ум, обаяние и красноречие.

Радости не было предела. По возвращении в Усть-Зейский пост заложили храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы и одновременно с этим 21 мая пост был наименован Н.Н. Муравьёвым городом Благовещенском.

Архиепископом Иннокентием отслужен благодарственный молебен, и в честь этого знаменательного события им была сказана следующая речь, величающая царя и его губернатора Муравьёва: «Наконец Господь помог вам совершить одно из вековых дел. Благословен Господь Бог наш, вложивый в сердце монарха нашего такую мысль и избравший тебя, богоизбранный муж, в орудие такого великого дела, и укреплявший, и укрепляющий тебя своею силою! Благословен Господь Бог твой, и благословен ты Богом Вышним, устроившим это дело так вожделенно, мирно, дружелюбно и без средства оружия!

Нет надобности говорить здесь о том, какие выгоды, какие блага могут произойти от этого края для России. Это очевидно при самом простом взгляде. Скажем только, что это есть вместе благо и счастье для самих соседей наших, ибо рано или поздно они через нас просветятся светом Христовым. А этого какое благо может быть выше и прочнее? Не время также и не место, да и не по нашим силам исчислять или оценивать все твои заботы, усилия, труды, борения, твои подвиги, понесённые тобою к достижению этой одной из главнейших твоих целей. Их вполне может оценить только будущее население сего края и история. Но если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство, и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов, то никогда, никогда не забудет тебя наша Православная Церковь, всегда вспоминающая даже создателей храмов. А ты, богоизбранный муж, открыл возможность, надежды и виды к устройению тысячи храмов в сём неизмеримом бассейне Амура. Но нет сомнения, что и в настоящее время если и не вся Россия, то вся Сибирь, и все благомыслящие россияне, и все твои сподвижники с радостью, с благодарностью и с восторгом примут известие о совершенном тобою ныне деле».

В этот же день с фельдъегерем отправлено донесение Государю Императору о заключении договора с Китаем, а наказной казачий атаман по вверенным ему войскам Забайкалья издал приказ следующего содержания:

«Приказ № 11

Станица Благовещенская, Мая 21 дня 1858 г.

Генерал-губернатор Восточной Сибири господин генерал-адъютант Муравьёв, по случаю заключённого им с Амурским главнокомандующим Дзяндзюном И-Шань договора о присоединении к России левого берега Амура 18 мая сего года после совершения в станице Благовещенской благодарственного молебствия изволил отдать следующий приказ:

Товарищи! Поздравляю вас! Не тщетно трудились мы, — Амур сделался достоянием России; Св. Церковь молится за Вас, Россия благодарит. Да здравствует император Александр II и процветает под кровом его вновь приобретённая страна, — Ура. Объявляя о сём по Забайкальскому казачьему войску и военным управлениям по Амурской линии и по Амурскому военному отряду, предписываю приказ этот прочесть во время сборов баталионов и сотен Забайкальского казачьего войска».

Командовал войском о ту пору Наказной атаман генерал-майор Корсаков (будущий иркутский генерал-губернатор, заступивший на должность после Муравьёва). Здесь надо бы заметить, что для казака любой город, где расположилась казачья управа, есть станица, будь то Париж... Копенгаген или Благовещенск.

* * *

На следующий день 22 мая экспедиция направилась дальше вниз по Амуру. Год был богат на события. При впадении реки Усури в Амур основано поселение 13-го линейного батальона, названное Н.Н. Муравьёвым Хабаровкой. К 10 июня добрались до Николаевска. После 1855 года, когда генерал-губернатор был здесь в последний раз, Николаевск из нескольких домиков, кучкой ютившихся на берегу Амура, растянулся на полторы версты. Только частных домов было более 200. И это за какие-то три года... Вернувшись в Иркутск по Амуру, а он раньше возвращался через Аян, считая этот путь более удобным, Н.Н. Муравьёв, не задерживаясь, отбывает в столицу. Отдавая должное его характеру, можно себе представить, как стучало сердце генерала в предвкушении наград за хорошо и своевременно выполненное большое дело. Иркутск ликовал. Отстроились к прибытию генерал-губернатора Амурские ворота на Амурской улице (ныне ул. Ленина), при которых толпы горожан ждали своего губернатора. Но Николай Николаевич почему-то проехал в свою резиденцию через Глазково, впрочем, это не умерило всеобщего ликования...

В первое своё путешествие в 1854 году Н.Н. Муравьёв открыл Амур для себя, сообразуя свои впечатления с идеями Невельского о необходимости изучения этого края. Во второе своё путешествие в 1855 году он пытался защитить восточные берега от притязаний врагов. В третье, в 1858 году, присоединил Амур к России. Так закончилось дело жизни Иркутского генерал-губернатора Муравьёва, начавшего службу Отечеству в 1827 году прапорщиком.

Из С.-Петербурга, ставши графом Амурским, Н.Н. Муравьёв шлёт в Иркутск приказ (*привожу только извлечения из него выборочно по сословным и должностным группам награждаемых*):

Приказ

по войскам, военным и гражданским управлениям, в
Восточной Сибири находящимся.
Иркутск, 14 декабря 1858 года.

Государь император, лично рассмотрев представленные мною списки о наградах разных лиц, участвовавших в присоединении Амурского края к России, соизволил собственноручно назначить лицам, поименованным в прилагаемом при сём списке, награды, против каждого означенные, за особые труды их, усердие и самоотвержение, в этом деле оказанные.

О таковой Монаршей милости, изъяснённой в отзыве ко мне г. Председателя Сибирского Комитета от 20 ноября с. г. за № 544, объявляя по войскам, военным и гражданским управлениям в Восточной Сибири находящимся, предписываю пожалованные награды внести в формуляры именованных в списке лиц.

1) Военный Губернатор г. Иркутска и Иркутский гражданский Губернатор генерал-лейтенант ВЕНЦЕЛЬ — орден Белого Орла и продолжение получаемого им арендного производства по две тысячи руб. серебром в год ещё на 6 лет по 29 октября 1868 года;

2) Военный Губернатор Забайкальской области и Наказной Атаман Забайкальского Казачьего войска генерал-майор КОРСАКОВ — орден Св. Станислава первой степени и пожизненный пансион по две тысячи руб. серебром в год;

3) Исправляющий должность Начальника Штаба при Генерал-Губернаторе Восточной Сибири полковник БУССЕ — чин Генерал-майора и пожизненный пенсия по 1500 руб. серебром в год;

7) Обер-квартирмейстер Штаба войск, в Восточной Сибири расположенных, подполковник БУДОГОСКИЙ — орден Св. Анны 2-й степени;

15) Командир 8-го пешего батальона Забайкальского Казачьего войска ИВАНОВ — орден Св. Владимира 4-й степени;

24) Исправляющий должность Дистанционного смотрителя провиантских магазинов Приморской области Восточной Сибири коллежский асессор ОСТРОВ — орден Св. Анны 3-й степени;

29) Командующий 2-ю ротой Сибирского линейного № 15 батальона штабс-капитан ТРУСЕВИЧ — орден Св. Анны 3-й степени;

43) Состоящий по Армейской пехоте и при Корпусе топографов ЩЕПИЛИН-2-й — орден Св. Станислава 3-й степени;

73) Командир лёгкой батареи Забайкальской линейной артиллерийской бригады капитан САВИЧ — следующий чин;

87) Вдова бывшего Командира роты Сибирского линейного №15 батальона, умершего на Амуре капитана, Карпицкая — полный пансион по чину мужа с распространением оного на детей до совершеннолетия их, в случае смерти или замужества матери;

89) Мать топографа 2-го класса унтер-офицера ЧЕРНЫХ — пожизненный пенсия 100 руб. серебром в год;

97) Командующий 2-ю сотнею 4-го конного полка Забайкальского Казачьего войска хорунжий КОРОБКОВ — полугодовой оклад жалования;

110) Унтер-офицер, топограф 2-го класса 4-й роты ПОЧЕКУНИН — 150 руб. серебром;

170) Младший чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири коллежский секретарь МААК — орден Св. Станислава 2-й степени;

189) Нерчинский коллежский асессор ЯЗЫКОВ — 500 руб.;

193) Почётный гражданин КУРБАТОВ — медаль с надписью «За усердие», золотая, на Владимирской ленте;

196) Тайша инородцев Хоринского ведомства ОЧИРОВ — медаль с надписью «За усердие», золотая, на Аннинской ленте;

.....
198) Волостной голова Мухоршибирской волости БРАТЕННИКОВ — медаль с надписью «За усердие», серебряная, на Аннинской ленте.

Подписал: Генерал-Губернатор Восточной Сибири и Командующий Войсками в оной расположенными, Генерал от Инфантерии, Генерал-Адьютант, граф Муравьёв Амурский».

* * *

Несмотря на свой характер, вследствие которого, как уже говорилось, было сделано немало ошибок и просчётов, без сомнения личность эта занимала одно из первых мест среди государственных деятелей России второй половины столетия. Можно считать оправданием тот факт, что урождённые Муравьёвы в «родове» своей отличались довольно вспыльчивым и «совершенно диким» характером, но при этом были умны. По воспоминаниям современников, он мог полиберальничать, изобразить из себя гуманного республиканца — это был его конёк, особенно в последние годы губернаторства. При личном обращении с людьми являл две противоположности. В раздражённом состоянии «не стеснялся никакими выражениями», но умел быть любезным и обворожительным.

Последнее путешествие на восток Н.Н. Муравьёва состоялось в апреле 1859 года. 2 мая выехали из Кяхты по поручению Государя-императора, т.к. в то время в Пекине дипломатом Николаем Павловичем Игнатъевым велась работа по подготовке Пекинского договора с Китаем. По замыслу территория по правому берегу Уссури должна была отойти к России. Уже работали геодезические экспедиции для нанесения на карты предлагаемых к рассмотрению вариантов проведения границы. Если по северному Приморью раздел был прост, т.к. Уссури составляла естественную линию раздела, то южная часть требовала большой работы. В Петербурге в дипломатических кругах шли дебаты — какова должна быть граница с Китаем. Рассматривался совет Г.И. Невельского провести границу от устья Сунгари напрямую к устью Тумангана (крайний северо-восток нынешней Кореи).

В Лондоне осенью 1957 года вышла карта всего мира, изданная официальным английским картографом Стенфордом. На ней российская граница была проведена таким образом, что вся Маньчжурия признавалась русской территорией. Пустили слух, что якобы по просьбе Николая Павловича Игнатъева, а тот в свою очередь выразил мысль Императора. Это, конечно, как потом выяснилось, были «игры» и крайний цинизм английской дипломатии того времени.

Территория по правому берегу Уссури постоянного китайского населения не имела, поэтому вопрос в пользу России решался проще, чем если бы это было иначе.

Кстати, Николай Павлович Игнатъев был родным братом Алексея Павловича Игнатъева, назначенного в 1885 году генерал-губернатором Восточной Сибири. В 1889 году он этот пост покинул. Когда-то Николай Павлович был гордостью семьи, подающим большие надежды, но закончил жизнь полунимом, разорившимся на финансовых авантюрах. Он был одержим старинными формами «русского парламентаризма» — «Земскими Соборами», настойчиво предлагая Государю различные проекты реформы управления, за что «в благодарность» от Александра III получит

собственноручно написанную им лаконичную записку: «Я пришел к убеждению, что вместе мы служить России не можем. Александр»... Но пока этого не произошло, дипломат А.П. Игнатьев с усердием исполнял свои обязанности в Пекине.

В конце мая граф Н.Н. Муравьев-Амурский прибыл в Николаев, а 4 июня в Де-Кастри, откуда подробно осматривал побережье, лежащее южнее вплоть до устья реки Тюмень-ула (Таманган, или Туманная) в районе озера Хасан. Муравьев назвал всё это пространство заливом Петра Великого. В бухте Золотой Рог он определит место под застройку будущего города и даст ему название Владивосток. Ровно через год по отданному тут же распоряжению на этот берег с борта транспорта «Манжур» высадутся под командованием прапорщика Комарова солдаты 4-го отдельного линейного батальона — основатели города Владивостока. По прибытии в залив, где пять лет тому назад бросал якорь фрегат «Паллада», Н.Н. Муравьев сделал непродолжительную остановку. Здесь на южной оконечности Залива Петра Великого он нашёл для себя, по его словам, одну из лучших гаваней — Новгородскую. Там же он встретил геодезическую партию Будогоского, которая наносила на карту предполагаемую границу Китая с Россией. Оставалось ожидать утверждения этой границы в Пекине, куда должна быть отправлена составленная экспедицией карта.

«Бухту Посьета мы отмежевываем себе и границу проводим до устьев Тюмень-ула, которая составляет границу Кореи с Китаем. Не хотелось бы захватывать лишнего, но оказывается необходимо: в бухте Посьета есть такая прекрасная гавань, что англичане непременно бы её захватили при первом разрыве с Китаем. При устье реки Суйфуна немного северо-восточнее бухты Посьета множество прекрасных заливов. Вообще это пространство морского берега от Посьета до поворотного мыса вёрст 200 изобилует прекрасными заливами и гаванями, столь привлекательными для морской державы, что англичане (если бы это оставалось китайским) всё захватили бы, тем более, что в 1855 году они все эти места видели, описали и даже карты издали... На первый случай в навигацию будущего года я переведу сюда Енисейский гарнизонный батальон, а в 1862 году переведу сюда же и Иркутский гарнизонный...», — пишет Муравьев Корсакову в Иркутск 19 июля 1859 г.

Из поездки Н.Н. Муравьев возвращался в Иркутск поздно осенью и вскоре в зиму 1859/60 года уехал, как тогда говорили, в Россию. В следующем, 1860 году между Россией и Китаем будет заключён Пекинский договор, разделяющий территории Приморья в тех границах, в которых они существуют и поныне, а в январе 1861 года он покинул Сибирь навсегда. Прошение об отставке ввиду болезни было принято.

***«Исполняющему должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири,
Командующего войсками, в оной расположенными, Господину свиты
Его Величества Генерал-Майору Корсакову.***

Имею честь уведомить Ваше превосходительство, что Государь Император, снисходя на просьбу мою об увольнении меня по расстроенному здоровью от должности Генерал-Губернатора Восточной Сибири (...) рескриптом сего 19 февраля Всемилостивейше соизволил назначить меня Членом Государственного Совета и пожаловать Кавалером Ордена Св. равноапостольного Князя Владимира 1-й степени с мечами над орденом, а Высочайшим приказом Своим того же 19-го числа соизволил назначить Ваше Превосходительство исправляющим должность Генерал-Губернатора Восточной Сибири и командующим войсками, в оной расположенными, с оставлением в Свите Его Величества. Препровождая вследствие сего к Вашему Превосходительству:

- а) Копию с вышеизложенного Рескрипта Государя Императора на моё имя;
- б) Высочайший Приказ от сего 19 февраля;
- в) Последний Приказ мой по войскам Восточной Сибири.

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать их известными по принадлежности.

Член Государственного Совета, Генерал-адъютант, граф Муравьёв Амурский. Февраля 19 дня 1861 года».

* * *

Это было последнее из служебной переписки графа письмо при исполнении им должности генерал-губернатора Восточной Сибири. Жить он будет на родине жены в Париже, изредка наезжая в столицу для участия в работе Государственного Совета. Но, будучи далеко от Сибири, он не порывал общения с теми, с кем служил свою четырнадцатилетнюю службу. К нему часто приезжали сибиряки с гостинцами и за советом, чему Николай Николаевич был каждый раз несказанно рад. Он умер в 1881 году. Сохранилась запись в метрической книге Свято-Троицкой Александро-Невской церкви при российском посольстве в Париже: «Ноября 18 скончался от гангрены граф Николай Николаевич Муравьёв Амурский». Гангрена была результатом ранения в ногу в польской кампании 1830 года. Он пережил своего Императора, которому служил свои лучшие годы, всего на восемь с половиной месяцев. Тогда невозможно было предположить, что улицы ставшего ему родным губернского города Иркутска назовут именами двух из пяти казнённых убийц Александра II — Софьи Перовской и Андрея Желябова.

Памятуя об участии Н.Н. Муравьёва в польской кампании 1832 года, все же хорошо, что не оказалось среди современных иркутских топонимов имени Игнатия Гриневицкого, бросившего ту роковую бомбу под ноги Императору. Видимо, у большевиков была особенная этика, согласно которой не все террористы удостоивались чести увековечивания памяти в названии улиц советских городов. Сам Игнатий называл себя литвином, а единомышленники из поляков считали его поляком, но по-польски он изъяснялся плохо, по-русски как на родном. Обрусел, не перестав быть католиком...

Сразу же после смерти Н.Н. Муравьёва общество выразило желание поставить ему памятник. Были многочисленные обращения иркутян к действующему в то время генерал-губернатору Анучину. Как только эта инициатива стала известна Императору, Александр II разрешил сбор добровольных пожертвований и установку на собранные деньги памятника в Благовещенске. Но впоследствии решение изменили, и в 1891 году бронзовую статую, как говорили, с большим портретным сходством, установили в Хабаровске. Памятник стоял до 1925 года, когда скульптура была снята с постамента и уничтожена. Так же, собственно, произошло и у нас в Иркутске с памятником Александру III.

Прошли десятки лет. Настало время перемен... Вот уже в Хабаровске одной из главных улиц города вернули имя Муравьёва-Амурского с восстановлением утраченного памятника. Во Владивостоке главной улице также вернули прежнее название Светланская в честь захода в порт фрегата «Светлана» с Великим Князем Алексеем Александровичем, сыном Императора Александра II. Событие знаменательное для далёкой окраины российской земли. Прах бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва Амурского перенесли из фамильного

склепа родственников его жены, урождённой Де-Ришмон, из Парижа во Владивосток и перезахоронили в центре города с установкой закладного креста.

Я бывал в Хабаровске и Владивостоке. Какие это замечательные города... В сравнении с Иркутском отличия очень велики, несмотря на то, что наш город на 200 лет старше. А раз так — у иркутян было больше времени вложить в него и труда своего, и внимания, и, если хотите, любви. Другое дело, имелось ли в наличии и первое, и второе, и третье.

В 2006 году, будучи во Владивостоке, я зашёл в Приморский Государственный музей им. В. К. Арсеньева. После приватного разговора с сотрудниками узнал, что в музее на хранении находится оригинал Айгунского трактата 1858 года. С благоговением я взял в руки этот пожелтевшей бумаги ветхий документ в несколько листов и стал читать подлинник:

«Великого Российского государства главноначальствующий над всеми губерниями Восточной Сибири, его императорского высочества государя императора Александра Николаевича генерал-адъютант, генерал-лейтенант Николай Муравьёв и великого Дайцинского государства генерал-адъютант, придворный вельможа, амурский главнокомандующий князь И-Шань, по общему согласию, ради большей вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных, постановили:

1. Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья реки Амура, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению до реки Усури, владением Дайцинского государства; от реки Усури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне, да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств. По рекам Амуру, Сунгари и Усури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств; всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно. Находящихся по левому берегу реки Амура от реки Зеи на юг до деревни Хормолдзинь маньчжурских жителей оставить вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем чтобы русские жители обид и притеснений им не делали.

2. Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Усури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств.

3. Что уполномоченный Российского государства генерал-губернатор Муравьёв и уполномоченный Дайцинского государства амурский главнокомандующий И-Шань, по общему согласию, постановили — да будет исполняемо в точности и ненарушимо на вечные времена, для чего Российского государства генерал-губернатор Муравьёв, написавший на русском и маньчжурском языках, передал Дайцинского государства главнокомандующему И-Шань, а Дайцинского государства главнокомандующий И-Шань, написавши на маньчжурском и монгольском языках, передал Российского государства генерал-губернатору Муравьёву. Всё здесь написанное опубликовать во известие пограничным людям двух государств.

Город Айхунь, мая 16 дня 1858 года.

(На подлинном подписали):

— всемилостивейшего государя моего императора и самодержца всея России

генерал-адъютант, генерал-губернатор Восточной Сибири, генерал-лейтенант и разных орденов кавалер Николай Муравьёв;

— службы его императорского высочества, государя и самодержца всея России, по Министерству иностранных дел статский советник Пётр Перовский;

— амурский главнокомандующий И-Шань;

— помощник дивизионного начальника Дзираминга».

Иркутск всё же странный город... Отцами города у нас до сих пор значатся Маркс, Ленин, Урицкий, Свердлов, Володарский, Каландаришвили, Ширямов, Желябов, Халтурин, Трилиссер, Либкнехт, а матерями Люксембург Роза с Цеткин Кларой и Перовской Софьей. Могилы же тысяч и тысяч иркутян, кому Россия обязана была за труды их и подвиги воздать должное, были затоптаны в увеселительных аттракционах на Иерусалимском кладбище Иркутска.

Случилось так, что первый иркутский губернатор (до установления в России должностей генерал-губернаторов) генерал-майор Карл Львович Фрауендорф умер в Иркутске и, будучи лютеранином по вероисповеданию, был похоронен в 1767 году на лютеранском кладбище, находившемся в районе пересечения улиц Ленина (Амурская) — Седова (Верхняя Амурская) — 3 июля (Нижняя Амурская)... Могила его утрачена полностью вместе с кладбищем. Следа не осталось.

Когда-то отсюда, с этих улиц губернского города Иркутска, начиналась дорога на российское Приамурье и российский Дальний Восток.